

ри его») и Херасков («Россияда») — как синоним «чистой души» в субъектном значении, а Кантемир в «Сатире IV» — в ряду с «умом здравым», т. е. как обозначение духовного качества. Веневитинов называет «чистым духом» абсолютом — «Бога философов», что оказывается возможным благодаря тому, что, с одной стороны, в этой «формуле» присутствуют родственные метафизическим религиозные коннотации и, с другой стороны, за ней не закреплено понятие «Бог» в его христианском смысле.

В катренах разбираемого сонета подобные примеры единичны и неочевидны. Терцеты же отчетливо связаны с поэтической традицией XVIII века. И экспрессивные восклицания («Греми!»), задающие описанию мировой катастрофы торжественную интонацию, и нанизывание грандиозных абстракций («хаос задавил природу пустотой») заставляют вспомнить о жанре философской оды. Сам образный ряд, который возникает в трехстишиях, невозможен в элегии: здесь Веневитинов скорее подражает Боброву, чем Жуковскому.

Из приведенных примеров видно, что «высокий штиль» отвечает за «метафизическое» содержание стихотворения. Элегические формулы («крылья любви», «сердечная глубина» и т. д.), напротив, служат изображению индивидуальных переживаний поэта. Основой для соединения одического и элегического начал является «нейтральная» сонетная форма, распространенная и у элегиков, и у поэтов XVIII века. Результатом же такого соединения оказывается текст, описывающий философствование — опыт, в котором возможно интимное переживание идеалистической онтологии. В этом смысле показательное оксюморонное сочетание «на крыльях любви несетя мысль моя». Оно в высшей степени характерно для героя Веневитинова — устремленного «в небесные края» мыслителя, чье отношение к «метафизике» отличается предельной степенью эмоциональной вовлеченности. Иными словами, именно в этом стихотворении веневитиновским лирическим «Я» впервые становится поэт-любомудр. Сонет «К тебе, о чистый дух...», таким образом, примыкает к группе произведений, в которых складывается образ философствующего романтика немецкого типа («Любимый цвет», «К. И. Герке» и «Послание к Рожалину» и др.). Все эти тексты датируются 1825 годом.

DOI: 10.31860/0131-6095-2021-3-161-177

© Ю. А. Клейнер

НЕСКОЛЬКО ПРЕДПОЛОЖЕНИЙ О ПОВЕСТИ Н. В. ГОГОЛЯ «НОС»*

Повесть «Нос», несомненно, самое странное, загадочное и в каком-то смысле «не гоголевское» произведение Гоголя. Описанная в повести реальность — очевидно, не фантастическая или сказочная: и та, и другая всегда содержит четкие причинно-следственные связи, в которых фантастическим или волшебным оказывается, как правило, лишь одно из звеньев (ср. сюжеты «Вечеров на хуторе близ Диканьки», включая псевдосказочную историю «красной свитки» в «Сорочинской ярмарке»).¹ Повесть «Нос», напротив, основывается на нарушении связей: фантастической, т. е. не предполагающей разгадки, оказывается здесь вся реальность, что и делает ее не вполне гоголевской. Вопросы, которые задает в конце повести автор: «...как Ковалев не смекнул, что нельзя чрез газетную экспедицию объявлять о носе?» или «как нос очутился в печеном хлебе?», вместе с авторским «решительно не понимаю!» выглядят как

* Пользуюсь случаем выразить мою признательность А. С. Либерману (Миннеаполис, Миннесота, США), с которым главная идея статьи впервые обсуждалась двадцать четыре года назад и который прочел окончательный ее вариант в марте 2020 года. За ряд ценных замечаний я благодарен также Н. Д. Светозаровой и Н. Н. Казанскому.

¹ См. об этом: *Гуковский Г. А.* Реализм Гоголя. М.; Л., 1959. С. 274–280.

издевка над читателем, поскольку непонятым остается главное событие — сверхъестественное отделение носа. За всеми вопросами и недоуменными восклицаниями просматривается попытка (скорее всего, намеренная) скрыть нечто такое, о чем читатель не должен догадаться, или, если угодно, что-то, что он должен (или не должен) разгадать. И главный вопрос — «...непонятно, как могут авторы брать подобной рода сюжеты! К чему всё это ведет? Для какой цели? Что доказывает эта повесть?»² — это, в сущности, приглашение читателю самому спросить себя или автора, какую он ставил перед собой задачу и вообще о чем эта повесть.

Наиболее прямолинейный ответ на вопрос о задачах произведения восходит к В. Г. Белинскому, усмотревшему в образе Ковалева обобщение: «...он есть не майор Ковалев, а *майоры Ковалевы*, так что после знакомства с ним, хотя бы вы зарáb встретили целую сотню Ковалевых, — тотчас узнаете их, отличите среди тысячей».³ Естественным развитием этого является как бы обратный процесс — выделение из сотни «Ковалевых» конкретного майора, одного «из праздных и наглых тунеядцев и карьеристов столицы, фланирующих по Невскому проспекту», — и новое обобщение: «Он — порождение николаевских бюрократических канцелярий и бессовестной лжи и мерзости всего режима, опорой которого и являлись подобные майоры Ковалевы».⁴ Это может подкрепляться цитатой из Пушкина: «...еще ни у одного писателя не было этого дара выставлять так ярко пошлость жизни, уметь очертить в такой силе пошлость пошлого человека, чтобы вся та *мелочь*, которая ускользает от глаз, мелькнула бы *крупно* в глаза всем» (8, 292).⁵ Действительно, отрицательных персонажей Гоголь предпочитал положительным; Чичиков, Собакевич и Петух удались ему лучше, нежели Костанжогло или Муразов. Но следует ли из этого, что предпочтение определялось причинами социальными («обобщение», «бичевание»), а не сугубо литературными (яркие характеры, более широкие возможности использования изобразительных свойств языка и т. п.)? Насколько правомерно считать, что «внешнее неправдоподобие сюжета в „Носе“ имело <...> второстепенное, так сказать, служебное значение, давая возможность автору сосредоточить вокруг рассказа о вымышленном происшествии изображение пошлости в разных слоях петербургского населения?»⁶ Можно ли, кроме того, представить себе, чтобы подобное происшествие случилось не только с Тарасом Бульбой, но даже, например, с Маниловым?

Сомнения возникают и в связи с трактовками, основывающимися на допущениях, не подтвержденных доказательствами, вроде «реконструкций» с отсылками к «Своду законов Российской империи»,⁷ этимологии имени героя,⁸ связанными с днями и датами, суевериями и т. п. Можно спросить, насколько те или иные построения интерпретатора отражают намерения автора, механизмы творчества и в целом все то, что объединяется под рубрикой «авторский замысел». Маловероятно, чтобы такая мозаика была мгновенно расшифрована читателями. И трудно представить себе, чтобы возторг или возмущение вызвало «порождение режима» или какие-то скрытые смыслы.

² Гоголь Н. В. Полн. собр. соч.: [В 14 т.]. М., 1940. Т. 3. С. 400. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте сокращенно, с указанием номера тома и страницы.

³ Белинский В. Г. Современник. Том одиннадцатый. Санкт-Петербург, 1838. Современник. Том двенадцатый. Санкт-Петербург, 1838 // Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1953. Т. 3. С. 52–53.

⁴ Степанов Н. Л. Гоголь Н. В. // История русской литературы: В 10 т. М.; Л., 1955. Т. 7. С. 176.

⁵ Там же. С. 129–260.

⁶ Ср.: «Благодаря этому обстоятельству автору в небольшой повести удается обрисовать характер понятий и интересов петербургских мастеровых, полицейских, различных подонков чиновничьего и даже газетного мира, пошлую пустоту и жалкий уровень развития женского круга в низших слоях общества, и проч.» (Шенрок В. И. Материалы для биографии Гоголя: В 4 т. М., 1893. Т. 2. С. 105–106).

⁷ «Особое влияние этого Свода на русскую жизнь, чиновничью среду породило социальное явление времени» (Диллакторская О. Г. Фантастическое в повести Н. В. Гоголя «Нос» // Русская литература. 1984. № 1. С. 153).

⁸ «Платон — означает „широкоплечий, полный“, герой Гоголя — здоровяк, выдержавший невзгоды кавказского климата» (Там же. С. 154).

* * *

Для понимания авторских намерений чрезвычайно существенно восприятие повести читателями и издателями — и теми, которые нашли в «этой шутке <...> много неожиданного, фантастического, веселого, оригинального» (Пушкин),⁹ и теми, кто отказались печатать повесть, сочтя ее «грязною» и неудобной для журнала («Московский наблюдатель». — Ю. К.) по причине «пошлости и тривиальности».¹⁰ Пушкинская оценка носит самый общий характер; что именно показалось «неожиданным, фантастическим, веселым и оригинальным», не объясняется. Более конкретно высказался о повести П. А. Вяземский: «В последнюю субботу (4 апреля 1836 года. — Ю. К.) читал он (Гоголь. — Ю. К.) нам повесть об носе, который пропал с лица неожиданно у какого-то коллежского асессора и очутился после в Казанском соборе в мундире Министерства просвещения. Уморительно смешно! Много настоящего humour. Коллежский асессор, встретясь с носом своим, говорит ему: „Удивляюсь, что нахожу вас здесь, вам, кажется, должно бы знать свое место“».¹¹

Это высказывание отражает восприятие повести неискушенным читателем. В данном случае оно, несомненно, усиливалось артистическим чтением Гоголя и, возможно, его комментариями. Не исключено, что последние касались отдельных деталей повести, например внешности и характера квартального надзирателя — флегматичного близорукого человека «с широкими бакенбардами», довольно полными щеками, на которых в конце повести «ярко мелькал трепетный свет свечи» (3, 66), по всей вероятности, не очень счастливого в семейной жизни. Некоторые черты его узнаются в двух гимназических товарищах Гоголя, Н. Я. Прокоповиче, прозванном за румяный цвет лица «Красеньким», и его брате В. Я. Прокоповиче («Драгуне»): «Красенький заходил не на шутку жениться <...> Впрочем, мне кажется, что этот вздор успеет простыть. <...> Здесь и драгун. Такой молодец с себя! с страшными бакенбардами и очками, но необыкновенный флегма» (10, 253, № 158; письмо А. С. Данилевскому от 20 декабря 1832 года).

Нельзя исключать, что повесть была отчасти мистификацией, содержащей детали, понятные узкому кругу друзей Гоголя.¹² Интерес могут представлять и другие возможные аллюзии в повести, например пуговицы, — ср.: на фраке цирюльника Ивана Яковлевича «вместо трех пуговиц висели одни только ниточки» (3, 51); он же «стащил <...> в одной лавочке бортище пуговиц» (3, 66–67; в «Первой полной редакции» «полдюжины жилетных пуговиц» — 3, 397); неслучайными могут оказаться и расхождения в различных вариантах повести, например «модный парик» в описании Носачиновника, вписанный над строкой в «Первой полной редакции» и убранный в тексте «Современника». Возможно также, что тема Кавказа (соответственно, майора/коллежского асессора) возникла не без влияния служившего там А. С. Данилевского, ср.: «На Кавказе, я думаю, ты еще больше разжирел» (10, 230, № 133; письмо А. С. Данилевскому от 26 апреля 1832 года; ср.: 10, 274, № 173; письмо М. А. Максимовичу от 2 июня 1833 года) и др.

Что касается сюжета, в который вписываются эти и другие детали повести, то наиболее реалистичной представляется точка зрения В. В. Виноградова, согласно которой

⁹ Гоголь Н. В. Нос: Повесть // Современник. 1836. № 3. С. 54, прим. Издателя. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте сокращенно: *Современник*, с указанием номера страницы.

¹⁰ Шенрок В. И. Материалы для биографии Гоголя. Т. 3. С. 99. Ср.: «Специально написанный для „Московского наблюдателя“ „Нос“, однако, не был напечатан в этом журнале. Причины ненапечатания повести семь лет спустя были раскрыты В. Г. Белинским в его полемике 1842 г. с С. П. Шевыревым. Надеясь на С. П. Шевырева, Белинский утверждал, что „один журнал отказался напечатать у себя повесть Гоголя „Нос“, находя ее грязною“» (10, 489 (комм.)).

¹¹ Остафьевский архив князей Вяземских: [В 5 т.]. СПб., 1899. Т. 3. Переписка князя П. А. Вяземского с А. И. Тургеневым, 1824–1836 / Изд. гр. С. Д. Шереметева; под ред. и с прим. В. И. Саитова. С. 314 (письмо П. А. Вяземского А. И. Тургеневу от 8 апреля 1836 года).

¹² Учитывая незначительные (по масштабам Российской империи) журнальные тиражи (1200 экз. 3 выпуска «Современника» и 600 экз. (с последующей допечаткой) «Московского наблюдателя»), друзья составляли значительную часть читателей повести.

он был навеян «носологической тематикой» и Гоголь просто примкнул к популярному в 1830-е годы течению. Не менее вероятно и то, что контекст повести создавали произведения, которые содержали скрытую фаллическую символику.¹³ В связи с последним можно допустить, что в «носологическую тематику» Гоголь пришел с готовым уже сюжетом. Основания для этого дает опубликованная в 1861 году в «Московских ведомостях» статья «О ненапечатанном рассказе Н. В. Гоголя „Прачка“»: «Совершенно случайно нам удалось узнать, что из числа мелких произведений нашего замечательного поэта один небольшой рассказ под названием „Прачка“ остался ненапечатанным. Подробности об этом рассказе, которые мы получили и которые передаем теперь публице, не оставляют никакого сомнения в действительности существования „Прачки“.

Во время пребывания Гоголя в Петербурге он был знаком и часто посещал г. Семенова, бывшего в то время одним из цензоров здешнего цензурного комитета; Гоголь часто читал г. Семенову свои произведения не только как хорошему знакомому, но и как цензору, спрашивая его о том, удобно или неудобно прочитанное к печати.

В одно из таких посещений, когда у г. Семенова было несколько человек гостей, Гоголь принес свою „Прачку“, написанную на нескольких почтовых листках, и читал ее вслух. Живой и веселый юмор этого маленького рассказа заставил читателей хотеть до слез; но, к несчастью, некоторая бесцеремонность и двусмысленность выражений были причиной того, что рассказ не мог быть признан в то время удобным к печати. Гоголь хотел было уничтожить рукопись, но г. Семенов попросил ее себе на память; затем рукопись оставалась у Семенова до отъезда его из Петербурга. Г. Семенов, по своей обязанности, имея, в числе своих знакомых, многих литераторов, собрал от них много рукописей и получил также много книг, которые он при отъезде из Петербурга подарил своему родственнику Н. Н. Терпигореву, любителю литературы и библиофилу. <...> сын Н. Н. Терпигорева, С. Н. Терпигорев, студент здешнего университета, читал эти листочки в деревне отца и даже помнит содержание „Прачки“, которое, с его слов, мы и передаем ниже. <...> Содержание рассказа, по словам С. Н. Терпигорева, — следующее:

Действующие лица рассказа — петербургский чиновник и прачка, моющая на него белье; при сдаче прачкой вымытого белья не оказывается одной штуки; чиновник требует ее; прачка обижается, и между ними происходит перебранка; оскорбленное самолюбие прачки доходит до высшей степени, сыплются крупные слова, колкости и т. п.; чиновник требует своей штуки, прачка говорит, что у нее нет никакой его *штуки*, и чтобы он лучше поискал ее *у себя в белье*.

Судя по этому содержанию и основываясь на известии, что рассказ исполнен самого живого и веселого юмора, можно предположить, что это — одно из произведений, принадлежащих к лучшей, блестящей поре поэтической деятельности Гоголя.¹⁴

Даже по пересказу видно, что «Прачка» представляет собой зарисовку в стиле Гоголя. Обращает на себя внимание реакция на нее слушателей и цензора, совершенно такая же, как на повесть «Нос»: «...живой и веселый юмор <...> заставил читателей хотеть до слез»; «...рассказ не мог быть признан <...> удобным к печати». История вполне достоверна и с точки зрения хронологической: знакомство с В. Н. Семеновым Гоголя относится к началу петербургского периода последнего (позже, в 1834 или даже 1835 году именно Семенов выдает цензурное разрешение на печатание «Арабесок»).

Нет ничего невероятного в том, что, убедившись в невозможности опубликовать «Прачку», Гоголь все же хочет сохранить в каком-то виде если не сам рассказ, то хотя бы «каламбур», на котором он строится. Само обращение к жанру, по определению уязвимому для цензуры, должно было заставить Гоголя опасаться как знавшего его В. Н. Семенова, так и коллег последнего. Опасения, что «глупая цензура привяжется» к повести, действительно высказывались Гоголем при посылке ее в 1835 году М. П. Пого-

¹³ См.: Виноградов В. В. Натуралистический гротеск: Сюжет и композиция повести Гоголя «Нос» // Виноградов В. В. Поэтика русской литературы. М., 1976. С. 13, 18.

¹⁴ Пичегин П. Библиографические заметки // Московские ведомости. 1861. № 3. С. 23.

дину (10, 355, № 243; письмо от 18 марта). В письме Гоголь высказывает опасение за эпизод встречи Ковалева с Носом «в Казанской церкви», предлагая при необходимости перенести эту встречу в католическую церковь. Возникает вопрос: почему было не перенести ее в католическую церковь или в Гостиный двор, как это и было сделано в конце концов, не дожидаясь придинок цензора? Что изменила бы такая поправка? Вполне возможно, Гоголь предлагал цензуре легкую добычу. В этом случае прием удался: многочисленные купюры не затронули «каламбур», за который мог опасаться Гоголь.

* * *

В сцене в соборе пытались усмотреть один из скрытых смыслов повести, ср.: «Ковалев обнаружил свою пропажу 25 марта <...> Названное число вызывало у современников социальную ассоциацию. День Благовещенья — официальный праздник, в который российский чиновник государственным указом обязывался быть в церкви на богослужении в приличном виде с тем, чтобы засвидетельствовать свою преданность и благочиние правительству. В Петербурге таким официальным и в то же время всем доступным культовым сооружением был Казанский собор. В указе сказано: „В праздничной форме быть у божественной службы в присутствии их императорских величеств 25 марта, в день Благовещенья, у Всеношной в Вербную субботу, в Вербное воскресенье“. Вот почему 25 марта свой нос герой должен был встретить в Казанском соборе. <...> В повести Гоголя обыгрываются узаконенные формы чиновничьего поведения. Именно 25 марта, когда все должно быть на своем месте, облик Ковалева не соответствует букве закона. Следовательно, паника героя вызвана еще одним несоблюдением законоположения».¹⁵ Но «25 марта» появляется только в последней редакции.¹⁶ Встреча же Ковалева с Носом в соборе описывается еще в «Первой полной редакции», где атмосфера совсем не праздничная (что неудивительно, учитывая дату — «февраля 23 числа»): «Он (Ковалев. — Ю. К.) побежал за каретою, которая к счастью отъехала недалеко и остановилась перед Казанским собором. Он поспешил в собор, пробрался сквозь ряд нищих старух с завязанными лицами и двумя отверстиями только для глаз, над которыми он прежде так смеялся, и вошел в церковь. Молельщиков внутри церкви было немного; они все стояли только при входе в двери» (3, 387–388; курсив мой. — Ю. К.).

О том, что сам автор не придавал этой сцене особого значения, как раз и свидетельствует перенос ее — без каких бы то ни было изменений — в Гостиный двор: «Он побежал за каретою, которая к счастью проехала не далеко и остановилась перед гостиным двором. Он поспешил туда, пробрался сквозь ряд нищих старух с завязанными лицами и двумя отверстиями только для глаз, над которыми он прежде так смеялся. Народу было немного» (3, 55; курсив мой. — Ю. К.).

О том же свидетельствует и легкость, с какой данная сцена была восстановлена в неподцензурных изданиях. Кроме того, версия с Казанским собором (и, по-видимому, датой 25 апреля) существовала еще 4 апреля 1836 года, когда повесть читалась у Жуковского (см. выше, прим. 11). Представляется, что значение эпизода (а значит, и праздника) сильно преувеличено и что Благовещение, совпавшее в конечном счете по времени с описанными в повести событиями, обстоятельство, скорее, случайное.

* * *

Изменения — от «Первоначального наброска» до окончательной редакции 1842 года — позволяют, хотя бы отчасти, проследить эволюцию авторского замысла. В «Первоначальном наброске» вводится основная интрига повести (пропавший нос) и называются главные ее персонажи — цирюльник и майор. «Цирюльник» переносится

¹⁵ Дилакторская О. Г. Фантастическое в повести Н. В. Гоголя «Нос». С. 155–156.

¹⁶ Это отмечает и сама О. Г. Дилакторская: «...в черновых редакциях было „23 числа 1832“, в другом месте: „сего февраля 23 числа“» (Там же. С. 155). Добавим: 25 апреля в версии «Современника».

в «Первую полную редакцию» и далее в текст «Современника» фактически вместе с «Первоначальным наброском», несколько, правда, расширенным (добавлена жена цирюльника). Главное же, что отличает «Первую полную редакцию» от всех остальных версий повести, — мотивировка события: «Впрочем всё это, что ни описано здесь, виделось майору во сне» (3, 399).

Как понимал сон сам Гоголь, можно судить, в частности, по его письму к матери от 10 ноября 1835 года: «Сон есть отражение наших беспорядочных мыслей. То, что мы думаем, что нас занимает, нам видится и во сне, только натурально наизнанку <...> сон есть больше ничего, как бессвязные отрывки, не имеющие смысла из того, что мы думали, и потом склеившиеся вместе и составившие винегрет» (10, 376–377).

Сновиденческая мотивировка «странной реальности» не предполагает причинно-следственных связей. Соответственно, во сне нос может оказаться в хлебе, он может разгуливать по городу в мундире статского советника, разыскивать его можно через газетную экспедицию и т. п. Кроме того, сон не исключает (и даже предполагает) вкрапление элементов реальности: «А часы явились вам, как воспоминание, которое иногда вдруг приходит к нам во сне иногда из самых времен детства и о которых мы совсем не думали» (10, 376).

Именно такой подход мы видим в «Первой полной редакции», но он же, в сущности, сохраняется и в последующих версиях повести. Текст «Современника», наряду с мелкими изменениями, дополнен более или менее существенными деталями (в разговоре с чиновником газетной экспедиции, в рассказе о любопытных, стекавшихся на Невский проспект¹⁷), а также целыми эпизодами, отсутствующими в предыдущих версиях (сношения Ковалева с штаб-офицершей Подточиной и разговор с доктором). Все это, в сущности, не влияет на реализацию первоначального замысла, каков бы он ни был. Основное изменение — исключение мотивировки всего происшествия сном («коренная переделка»; 3, 655¹⁸), как считается, в связи с критикой подобной развязки в рецензии «Северной пчелы» на повести Пушкина, в частности на развязку «Гробовщика». ¹⁹ В версии «Современника» сказано просто: «После этого, как-то странно и совершенно неизъяснимым образом случилось, что у майора Ковалева опять pokazал на своем месте нос» (*Современник*, с. 88).

Более подробно то же самое описывается в версии 1842 года: «...вдруг тот самый нос, который развезжал в чине статского советника и наделал столько шуму в городе, очутился как ни в чем не бывало вновь на своем месте, то есть именно между двух щек майора Ковалева. <...> Проснувшись и нечаянно взглянув в зеркало, видит он: нос! хватя рукою — точно нос!» И далее, включая разговор со слугой: «А посмотри, Иван, кажется, у меня на носу как будто прыщик...» (3, 73).

Исключение «сновиденческой мотивировки», пусть даже ощущавшейся современниками как банальность, превращает повесть в абсурдистское произведение, не типичное для своего времени, ²⁰ в сущности делая ее еще более банальной, опять же, с точки зрения современников (ср. реакцию Вяземского на версию 1836 года). Главное же, при этом разрушается логика событий и вся повесть делается весьма рыхлой композиционно. Приведем для примера разговор Ковалева с «полицейским чиновником благородной наружности» (Прокоповичи — ?), с минимальными изменениями перенесенный из «Первой полной редакции»:

¹⁷ См.: *Тихонравов Н. С.* Примечания редактора и варианты. Нос // Гоголь Н. В. Соч.: В 7 т. 10-е изд. М., 1889. Т. 2. С. 372–373.

¹⁸ Ср.: «Объяснение всего происходящего сном («сновидением») было снято, и это в корне изменило и поэтику, и онтологию повести» (*Манн Ю. В.* Путешествие Носа продолжается... // Манн Ю. В. Н. В. Гоголь. Тайны биографии и тайны творчества. М., 2019. С. 25).

¹⁹ Ср.: «...введение сна для развязки повести казалось литератору той эпохи избитым литературным приемом» (*Виноградов В. В.* Натуралистический гротеск. С. 37–38).

²⁰ Все попытки усмотреть связь повести с традициями кубизма, модернизма или — конкретнее — с «Превращением» Ф. Кафки (см.: *Манн Ю. В.* Путешествие Носа продолжается... С. 26–27) допускают лишь однонаправленное влияние — от Гоголя к XX веку. Говорить в этом случае даже о типологическом сходстве вряд ли имеет смысл.

«— Вы изволили затерять нос свой?
 — Так точно.
 — Он теперь найден. <...> его перехватили почти на дороге. Он уже сел в дилижанс и хотел уехать в Ригу. И паспорт давно был написан на имя одного чиновника.
 — Где же он, где? <...>
 — Не беспокойтесь. Я, зная, что он вам нужен, нарочно принес его с собою. <...>
 Нос ваш совершенно таков, как был.

При этом квартальный полез в боковой карман и вытащил оттуда завернутый в бумажке нос» (*Современник*, с. 80–81).

Нос с «паспортом на имя одного чиновника» (в «Первой полной редакции» — «Тамбовского директора училищ») прекрасно уживается с носом, «завернутым в бумажке», а до того выброшенным с моста в Неву, в сновидении, но не в реальности, пусть даже фантастической. Точно так же, в качестве «главного участника в этом деле» в обеих версиях называется «мошенник цирюльник на Вознесенской улице», которого квартальный «давно подозревал <...> в пьянстве и воровстве» и который «третьего дня стащил <...> в одной лавочке бортище пуговиц» (там же). Не по причине ли таких несоответствий сам автор «долго не соглашался на напечатание этой шутки» (*Современник*, с. 54; прим. Издателя)?

Авторские сомнения, очень похожие на перечисление собственных недоработок, собраны в «полемиическом послесловии», как считается, «замаскированной пародии на рецензию „Северной пчелы“» (3, 656).²¹ Часть вопросов, задаваемых в нем, вполне вписывается в абсурдистский контекст и не требует ответа, например: «Неужели Ковалев не мог смекнуть, что через газетную экспедицию нельзя объявлять о носе?» (*Современник*, с. 89). Но авторское: «Я уверен, что *больше половины* в ней (повести. — Ю. К.) неправдоподобного» (там же; курсив мой. — Ю. К.) — не означает ли, что в повести содержится и что-то иное, не столь правдоподобное? Если так, то к этой ее части, безусловно, относится главный вопрос — в связи с появлением и исчезновением цирюльника: «И цирюльник Иван Яковлевич вдруг явился и пропал, неизвестно к чему, неизвестно для чего» (там же). Главным этот вопрос остается и в редакции 1842 года: «...как нос очутился в печеном хлебе, и как сам Иван Яковлевич?..» (3, 75).

Этот же вопрос относится (и, возможно, еще в большей степени) к «Первой полной редакции» («сновиденческой»). Действительно, если Ковалеву просто приснилось, что у него пропал нос, то при чем здесь цирюльник, обнаруживший нос в хлебе?²² Налицо явная композиционная нестыковка: два не связанных между собой мотива в пределах единого сюжета («пропажа и возвращение носа»).

* * *

Этот недочет устранен в редакции 1842 года: цирюльник вновь появляется в самом конце повести. Происходит это не вполне привычным образом: «В это время выглянул в дверь цирюльник Иван Яковлевич; но так боязливо, как кошка, которую только-что высекли за кражу сала» (3, 73).

²¹ С этим согласуется и ироническое упоминание «Северной пчелы» уже в «Первой полной редакции»: «„Если уже хотите, то отдайте тому, кто имеет искусное перо, описать как редкое произведение природы и напечатать эту статейку в «Северной Пчеле» (тут он понюхал еще раз табаку) для пользы юношества (тут он утер нос), или так, для общего любопытства“» (3, 62).

²² Обсуждая это обстоятельство, Б. А. Успенский замечает: «...начальная фраза повести „Сего февраля 23 числа случилось в Петербурге необыкновенно-странное происшествие“ <...> относится, строго говоря, не к тому, что случилось с майором, а к тому, что произошло с цирюльником, но мы должны думать, видимо, что весь эпизод с цирюльником также относится ко сну майора Ковалева. (Или же странность состоит в том, что то, что майор видит во сне, с цирюльником произошло наяву? но это никак не видно из текста, между тем мы могли бы ожидать, что столь нетривиальное обстоятельство будет как-то отмечено.)» (*Успенский Б. А. Время в гоголевском «Носе» («Нос» глазами этнографа) // Успенский Б. А. Историко-филологические очерки. М., 2004. С. 56).*

Майор встречает его обычным вопросом: «— Говори вперед: чисты руки?» (там же).

По сути, это — вариация того, что «Ковалев обыкновенно говорил ему (цирюльнику. — Ю. К.) во время бритья: „у тебя, Иван Яковлевич, вечно воняют руки“» (3, 51).

До «происшествия» во всех версиях «Иван Яковлевич отвечал на это вопросом: „Отчего ж бы им вонять?“

— „Не знаю, братец, только воняют“, говорил коллежский ассессор» (там же).

Диалог приводился в обоснование того, что «Иван Яковлевич был большой циник» (там же).

При втором появлении Ивана Яковлевича (после возвращения носа) в версии 1842 года тон ответов иной:

«„Чисты“.

„Врешь!“

Ей богу-с чисты, судырь» (3, 73; курсив мой. — Ю. К.).

Прежде: «...Иван Яковлевич, понюхавши табаку, мылил ему за это (в отместку за вопрос. — Ю. К.) и на щеке, и под носом, и за ухом, и под бородою, одним словом, где только ему была охота» (3, 51).

В последней сцене цирюльник проявляет не свойственную ему деликатность: «Иван Яковлевич закрыл его салфеткою и в одно мгновение, с помощью кисточки, превратил всю бороду его и часть щеки в крем, какой подают на купеческих именинах» (3, 73).

С осторожностью, также ранее ему не свойственной (ср.: «Вот уж я от трех человек слышала, что ты во время бритья так беребишь за носы, что еле держатся» — 3, 50), цирюльник обращается и с носом майора: «...легонько, с бережливостью, какую только можно себе вообразить, он приподнял два пальца с тем, чтобы поймать его за кончик. Такова уж была система Ивана Яковлевича.

„Ну, ну, ну, смотри!“ закричал Ковалев. Иван Яковлевич и руки опустил, *оторопел и смутился, как никогда не смущался*. Наконец осторожно стал он щекотать бритвой у него под бородою, и хотя ему было совсем не сподручно и трудно брить без поддержки за нюхательную часть тела, однако же, кое-как упираясь своим шероховатым большим пальцем ему в щеку и в нижнюю десну, наконец одолел все препятствия и выбрил» (3, 74; курсив мой. — Ю. К.).

Более того, еще только приступая к бритью, цирюльник с изумлением²³ взирает на нос: «„Вишь ты!“ сказал сам себе Иван Яковлевич, взглянувши на нос, и потом перегнул голову на другую сторону и посмотрел на него сбоку: „Вона! эк его право как подумаешь“, продолжал он и долго смотрел на нос» (3, 73).

Что вызвало удивление Ивана Яковлевича? Ответ напрашивается: он увидел то, чего не ожидал увидеть (точнее, опасался не увидеть), а именно, нос, который только что обнаружил в хлебе и выбросил в Неву и который чудесным образом оказался на своем месте. Очевидно, что цирюльник знает о пропаже носа. Вряд ли, однако, до него дошли «слухи об этом необыкновенном происшествии», которые «распространились по всей столице <...> будто нос коллежского ассессора Ковалева ровно в 3 часа прогуливается по Невскому проспекту» (3, 71). Его версия события («нос в хлебе») отлична от версии майора Ковалева («нос разгуливает по Невскому проспекту»). Все поведение цирюльника указывает на то, что он все еще находится под впечатлением только что увиденного.²⁴ Косвенным подтверждением этого служит окончание начального

²³ По мнению В. В. Виноградова, «Иван Яковлевич обнаруживает не столько изумление, сколько скептицизм при виде носа майора» (*Виноградов В. В.* Натуралистический гротеск. С. 42). Ранее, впрочем, говорится: «Иван Яковлевич ведет себя перед майором боязливо. Он от окриков Ковалева <...> „смутился, как никогда не смущался“. Все это полно недосказанных намеков на „преступление“ Ивана Яковлевича» (Там же). Все еще осознавая свое «преступление», Иван Яковлевич, естественно, удивляется, не обнаружив его результата. Ср.: «...цирюльник Иван Яковлевич <...> с изумлением смотрит на нос майора, не ожидая найти его на месте» (*Успенский Б. А.* Время в гоголевском «Носе». С. 59; курсив мой. — Ю. К.).

²⁴ Иначе у Б. А. Успенского: «...то, что произошло с майором Ковалевым, никак нельзя отнести к свидению» (*Успенский Б. А.* Время в гоголевском «Носе». С. 59). Но каким образом Иван Яковлевич мог узнать о якобы исчезновении носа?

эпизода повести в обеих линиях — Ковалева и цирюльника — в трех полных редакциях: «...но здесь происшествие совершенно закрывается туманом, и что далее произошло, решительно ничего неизвестно» (3, 52), — вполне уместное в описании именно сна.

* * *

«Коренная переделка» затрагивает только линию майора Ковалева. Как и эпизод с цирюльником, она начинается словами «Коллежский ассессор Ковалев проснулся довольно рано» (3, 52). Обнаружив исчезновение носа, Ковалев первым делом проверяет, не спит ли он, ср. в редакции 1842 года: «Он начал щупать рукою, чтобы узнать: не спит ли он? кажется, не спит» (3, 53). И во второй раз: «Это, верно, или во сне снится, или просто грезится; <...> Чтобы действительно увериться, что он не пьян, майор ущипнул себя так больно, что сам вскрикнул. Эта боль совершенно уверила его, что он действует и живет наяву» (3, 65).²⁵

Во втором случае Ковалев прибегает к традиционному способу проверки «сон или явь?», причем именно для того, чтобы убедиться, что происходящее — не сон. Но то же делается и в сновиденческой версии, причем и в первом и во втором случае, ср.: «Он начал щупать рукою, *ущипнул* себя, чтобы узнать, не спит ли он. Кажется, не спит...» (3, 385; курсив мой. — Ю. К.); «„Может быть я сплю и мне всё это снится“. Коллежский ассессор пальцем себя *щипнул* и сам чуть [не] вскрикнул от боли. „Нет, чорт возьми, я не сплю“» (3, 396; курсив мой. — Ю. К.). Это Ковалев проделывает во всех трех редакциях после визита к частному приставу.

Сходным образом в повести «Портрет» художник Чертков, прежде чем проснуться окончательно, дважды видит собственное пробуждение во сне:

(1) «Полный отчаяния, стиснул он всею силою в руке своей сверток, употребил всё усилие сделать движение, вскрикнул — и *проснулся*. <...> „Неужели это был сон?“ — сказал он, взявши себя обеими руками за голову, но страшная живость явления *была похожа на сон*. Он видел, *уже пробудившись*... <...>

(2) И видит он: это *уже не сон*; черты старика двинулись, и губы его стали вытягиваться к нему, как будто бы хотели его высосать... с воплем отчаянья отскочил он — и *проснулся*. „Неужели и это был сон?“ С бьющимся на-разрыв сердцем *ощупал он руки вокруг себя*. <...> *Итак, это был тоже сон!* <...>

(3) И вот видит ясно, что простыня начинает раскрываться, как будто бы под нею барахтались руки и силиться ее сбросить. „Господи, Боже мой, что это!“ — вскрикнул он, крестясь отчаянно, и *проснулся*. *И это был также сон!*» (3, 90–91; курсив мой. — Ю. К.).

«Сон во сне» — обычный гоголевский мотив.²⁶ Можно заключить, что фраза «проснулся довольно рано» в начале двух эпизодов — с цирюльником (3, 49, 381; *Современник*, с. 54) и коллежским ассессором (3, 52, 385; *Современник*, с. 59) — во всех трех редакциях повести не обязательно означает реальное пробуждение.

Описание последующих событий (встреча с Носом, визит в газетную экспедицию и к частному приставу, приход квартального и затем доктора, переписка с штаб-офицершей Подточиной), «склеившиеся вместе и составившие винегрет», а также слухов «о необыкновенном происшествии», вкупе с историей о танцующих стульях, и реакция на них «необходимых посетителей раутов, любивших смешить дам», т. е. всего того, что в «Первой полной редакции» «виделось майору во сне» (3, 398–399), в версии «Современника» завершается словами: «После этого как-то странно

²⁵ Только к редакции 1842 года может относиться комментарий к этим двум эпизодам: «В „Носе“ Ковалев недоумевает, наяву или во сне происходит случившееся с ним необыкновенно странное происшествие» (*Кривонос В. Ш. Сны и пробуждения в «Петербургских повестях» Гоголя // Гоголевский сборник / Под ред. С. А. Гончарова. СПб., 1993. С. 86 и прим. 4).*

²⁶ Иначе у Б. А. Успенского, ср.: «В других произведениях Гоголя сны описываются иначе» (*Успенский Б. А. Время в гоголевском «Носе»*. С. 57).

и совершенно неизъяснимым образом, случилось, что у майора Ковалева опять показался на своем месте нос» (*Современник*, с. 88).

В редакции 1842 года сообщение о возвращении носа («вдруг тот самый нос, который разъезжал в чине статского советника и наделал столько шуму в городе, очутился как ни в чем не бывало вновь на своем месте, то есть именно между двух щек майора Ковалева») перенесено в следующую часть, начинающуюся словами: «Чепуха совершенная делается на свете» (3, 73) и заканчивающуюся оборванной фразой «Вслед за этим...». Далее идет повтор завершения эпизода с цирюльником в начале повести: «...но здесь вновь всё происшествие скрывается туманом, и что было потом, решительно неизвестно» (3, 72), заменивший сновиденческое толкование в «Первой полной редакции». (Повтор почти дословный: добавлено слово «вновь», отсылающее читателя к завершению эпизода с цирюльником.) Совпадение начал («...проснулся рано») и концовок («...решительно неизвестно») подчеркивает тождественность эпизодов, т. е. снов двух персонажей повести. Как определил сущность «коренной переделки» В. В. Виноградов, «мотивировка сюжетного движения сном, как леса художественной постройки, убрана Гоголем. Но композиционный прием отрывочной склейки сохранен и даже острее подчеркнут».²⁷

* * *

События, описанные в «Первой полной редакции» (= во сне), продолжают в течение месяца: «Он не велел никого впускать к себе <...> и в продолжении месяца так исхудал и иссох, что был похож больше на мертвеца, нежели на человека» (3, 73). В каком-то смысле аналогом этого периода в последующих версиях служит время от 25 апреля до начала мая, («не помню») 5 или 6 числа в «Современнике» (там же) и 25 марта и «апреля 7 числа» в редакции 1842 года (3, 399). Разрыв в датах между исчезновением и возвращением носа является, по сути, единственным препятствием к тому, чтобы признать, что в обоих случаях речь все-таки идет о сновидении (цирюльника и майора). Этот разрыв (в тринадцать дней по последней редакции) связывали с двумя календарными стилями — старым и новым (юлианский и григорианский календарь). Впервые предположение о том, что Гоголь вполне осознанно использовал этот разрыв в качестве аналога сновиденческой мотивировки, еще в 1922 году выдвинул автор психосексуального толкования повести И. Д. Ермаков: «Разница в две недели соответствует разнице между *новым* и *старым стилем*, так что все событие произошло в один день, в одну ночь с 25 на 26. Новый стиль как нельзя более соответствует окончанию всего происшествия в повести».²⁸ Дальнейшие рассуждения Ермакова («Новая французская болезнь, заграничные новости носопластики и т. п. ассоциативно связаны с этим новым стилем. Дневные остатки впечатления праздника в виде церкви, визитов вплелись в сновидение»²⁹) лучше всего определил Ю. В. Манн, тактично обозначивший их «как превышение интерпретации над текстом».³⁰ Кроме того, Ермаков ошибается, говоря о разнице в *две недели* между старым и новым стилем (в XIX веке она составляла двенадцать дней); еще более неприемлемо его объяс-

²⁷ Виноградов В. В. Натуралистический гротеск. С. 24.

²⁸ Ермаков И. Д. «Нос» // Ермаков И. Д. Очерки по анализу творчества Н. В. Гоголя (Органичность произведений Гоголя). М.; Пг., 1922. С. 282 (прим. ***) (Психологическая и психоаналитическая библиотека под редакцией проф. И. Д. Ермакова. Серия по художественному творчеству. Выпуск XVI); курсив мой. — Ю. К.

²⁹ Там же.

³⁰ Манн Ю. В. Путешествие Носа продолжается... С. 25. Еще раньше сходным образом об изысканиях И. Д. Ермакова отозвался В. В. Виноградов: «Историку литературы и языка трудно принять и понять эти грустные думы, навеянные новеллой Гоголя на исследователя „сексуальной функции“ слов. Я могу лишь выстроить литературную параллель: отношение проф. Ермакова к гоголевскому „Носу“ напоминает отношение гоголевского доктора к носу майора Ковалева — во всей полноте его тонкого анализа» (*Виноградов В. В. Натуралистический гротеск*. С. 23).

нение «ошибки в вычислении на один день».³¹ Тем не менее факт остается фактом: Ермаков был первым, кто заметил календарные различия, предположив, что их сознательно (в его трактовке, скорее, подсознательно) использовал автор повести.

Много позже на то же обратил внимание Б. А. Успенский, связавший разницу в датах — 25 марта по старому стилю и 7 апреля по новому (12 + 1) — с праздником Благовещения и днем, следующим за ним: «...нос исчезает с лица майора в день Благовещения по старому стилю и появляется вновь на следующий после Благовещения день по новому стилю».³² Промежуток между 25 марта и 6 апреля трактуется как «время, которого нет»,³³ или же как «виртуальное, „нечистое“ время», отвечающее «тому, что происходит <...> с майором Ковалевым».³⁴ Ю. В. Манн предпочитает оставить «в стороне весьма спорный вопрос о причинной связи с днем Благовещения».³⁵ Проблема усложняется календарными выкладками: праздник Благовещения плюс день, следующий за ним.

Впрочем, то же можно представить и иначе, а именно считать, что 25 марта Ковалев только заснул и увидел сон, в котором якобы проснулся (см. выше). Тогда датой реального пробуждения будет 26 марта, отстоящее от 7 апреля на двенадцать дней, что и составляло разницу между соответствующими датами в XIX веке. Если события повести действительно были помещены в этот временной промежуток (двенадцать дней или одна ночь), то «коренная переделка» заключалась не в отказе от сновиденческой мотивировки, а в представлении ее в зашифрованном виде. Среди прочего, это позволяло предотвратить возможные нападки критиков, мнение которых для осторожного Гоголя значило, по всей вероятности, не меньше, чем замечания цензоров.

* * *

Свидетельством того, что несовпадение календарей использовалось с этой целью сознательно, возможно, является датировка описываемых событий в разных версиях повести: 23 число 1832 года (пропажа носа), 23 февраля сего года, плюс один месяц (пропажа и возвращение) в «Первой полной редакции»; 25 апреля — 5 или 6 мая в «Современнике»; 25 марта и 7 апреля в издании 1842 года. Если все даты — простая условность, для чего было менять их от версии к версии? Резонно предположить, что даты неслучайны как с точки зрения содержания повести, так и в качестве отражения хронологии ее создания.

Косвенным подтверждением того, что «23 число 1832 года» — это 23 февраля, могут служить ближайшие к этой дате события: 19 февраля 1832 года «Гоголь присутствует на обеде по случаю открытия книжного магазина и библиотеки для чтения А. Ф. Смирдина и, в числе других, подписывает обязательство дать статью в сборник „Новоселье“» (10, 20). (Гоголю в это время без малого 23 года, а в числе подписавших

³¹ «Ошибку в вычислении на один день можно игнорировать, особенно принимая во внимание то, что $25 \text{ (т. е. } 2 + 5) = 7$ (тождество этих обоих дат, что характерно для строя мышления во сне), а затем и то, что цифра 7 — мужская цифра» (Ермаков И. Д. «Нос». С. 282).

³² Успенский Б. А. Время в гоголевском «Носе». С. 50.

³³ Там же. С. 51.

³⁴ Там же. С. 52. Справедливости ради приходится отметить, что Ермаков также связывает начало события (25 марта) с праздником Благовещения: «Почему же именно март и почему 25 число? Март, как мы знаем, самый сомнительный по своему поведению из всех месяцев, месяц кошачьих свадеб, и в то же время на 25 марта приходится один из прекраснейших праздников для верующих — день Благовещенья. <...> Самое унижительное, животное, отвратительное связывается у Гоголя с представлением о мартовских котах и по контрасту соединяется с возвышенным, чистым Благовещением; и все же это одно и то же — половое, хотя и взятое в различных планах бытия» (Ермаков И. Д. «Нос». С. 277). В том же ключе подается и основная идея исследования: «...мы обратили уже внимание на однозначность заглавия повести, читаемого слева направо и наоборот: сон — это нос. Эти явления, характерные для примитивных языков и мышления, сохранили свое значение и до сих пор в литературном творчестве» (Там же).

³⁵ Манн Ю. В. Путешествие Носа продолжается... С. 30. О Благовещении как случайным совпадением см. выше, прим. 15.

маститые литераторы — Пушкин, Крылов, Жуковский и др.) Через несколько дней, 22 февраля, описание этого события появилось в газете «Русский инвалид» (1832, № 46).³⁶ Неудивительно в этих обстоятельствах, что Гоголь сразу же принимается искать сюжет произведения для сборника.

Это не вполне соответствует датировке «Первоначального отрывка» в «бывшей аксаковской тетради»; на основании местоположения отрывков относят только «к концу 1832 г. или началу 1833 г.» (3, 650).³⁷ В качестве дополнительного довода в пользу «отнесения начала работы над повестью к 1832 г.» приводится мнение Н. С. Тихонравова: «...,необыкновенное происшествие“ <...> отнесено к определенному времени — к 1832-му году».³⁸ Датировка Тихонравова весьма осторожна: «Можно полагать, что повесть „Нос“ задумана Гоголем в том же году, к которому отнесено „происшествие“, в ней рассказанное».³⁹ Подчеркнем: именно «задумана», поскольку «вышеприведенный набросок <...> помещен на одной из начальных страниц <...> той записной книги, которую Гоголь стал заполнять своими сочинениями и заметками в 1833 году»;⁴⁰ ср.: «Чистые страницы, оставленные после наброска „Носа“, говорят о том, что Гоголь, записав начало повести, предполагал вскоре вернуться к продолжению ее, но в течение ближайшего промежутка этого не сделал» (3, 650). (Рискнем высказать мысль, что «Первоначальный набросок» был записан на отдельном листе и только потом перенесен в тетрадь, где оставлено место для продолжения повести.) Таким образом, начало работы, т. е. создания «Первоначального наброска», можно с достаточным основанием датировать именно 23 февраля 1832 года. В качестве предельной даты завершения «Первой полной редакции» называется конец августа 1834 года.⁴¹

Все эти соображения, в той или иной степени гадательные, с очевидностью свидетельствуют о том, что работа над повестью с самого начала не носила регулярного характера.

Дальнейшая история повести прослеживается по письмам:

31 января 1835 года: «Я начал для них новую повесть. Но, ей Богу, две недели, по крайней мере, я не буду иметь времени даже подумать о ней» (10, 351, № 238; письмо М. П. Погодину); по Тихонравову, «начало последней обработки».⁴² Судя по двум следующим письмам (№ 240–241), Гоголь действительно оставил работу над повестью, но, возможно, не мысли о ней, поскольку продолжает интересоваться делами «Московского наблюдателя».

10 марта 1835 года: «На днях я, может быть, окончу повесть для М<осковского> Набл<юдателя>» (10, 354, № 242; письмо С. П. Шевыреву).

18 марта 1835 года: «Посылаю тебе нос. <...> Если в случае ваша глупая цензура привяжется к тому, что нос не может быть в Казанской церкви, то пожалуй можно его перевести в католическую. Впрочем я не думаю, чтобы она до такой степени уж выжила из ума» (10, 355, № 243; письмо М. П. Погодину).

23 марта 1835 года: «Так как Московский Наблюдатель не будет существовать, то пришли мне мой нос назад, потому что он мне очень нужен» (10, 358, № 246; письмо М. П. Погодину).

³⁶ Манн Ю. В. «Сквозь видный миру смех...»: Жизнь Н. В. Гоголя 1809–1835. М., 1994. С. 295.

³⁷ В качестве «косвенного соображения в пользу отнесения замысла „Носа“ к 1832 г.» в Полном собрании сочинений называется «то обстоятельство, что как раз в 1831–1832 гг. появляются в журналах „носологические“ сюжеты, <...> а также текст вывески, помещенный в „Молве“ за 1831 г. <...>, к которому восходит вывеска Ивана Яковлевича» (3, 650). Видимо, имеется в виду № 6 части I газеты «Молва» («Журнала мод и новостей») за 1831 год, где на указанных страницах действительно приводятся «забавные объявления», которые, в принципе, могли иметь какое-то отношение к вывеске Ивана Яковлевича в повести.

³⁸ Тихонраов Н. С. Примечания редактора и варианты. Нос. С. 566.

³⁹ Там же. С. 567.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ По отсутствию полемической концовки от автора, «появившейся, несомненно, лишь после рецензии „Северной пчелы“ на повести Пушкина в номере от 27 августа 1834 г.» (3, 651).

⁴² Тихонраов Н. С. Примечания редактора и варианты. Нос. С. 570.

17 апреля 1835 года: «Сам чорт разве знает, что делается с носом! Я его послал как следует, зашитого в клеенку, с адресом в Московский университет. Я не могу и подумать, чтобы он мог пропасть как-нибудь. У нас единственная исправная вещь: почта. Если и он начнет заводить плутни, то я не знаю, что уже и делать. Пожалуста, потормоши хорошенько тамошнего почтмейстера. Не запрятался ли он куда-нибудь по причине своей миниатюрности между тучными посылками» (10, 363–364, № 248; письмо М. П. Погодину).

2 сентября 1835 года: о снах (10, 375–377, № 263; письма М. И. Гоголь).

18 января 1836 года:⁴³ «...сделай милость, пришли мне моего „Носа“. Мне теперь он до крайности нужен. Я хочу его немного переделать и поместить в небольшое собрание» (11, 31–32, № 1; письмо М. П. Погодину). Ср. в этой связи: «Гоголь, поглощенный в начале 1836 года печатанием и постановкою на петербургской сцене „Ревизора“ (закончен 4 декабря 1835 г.) и „Женитьбой“ (читалась Гоголем в Москве 4 мая 1835 г.) <...>, не готовил к отдельному изданию никакого „небольшого собрания сочинений“, но обрабатывал целый ряд своих набросков для нового журнала, первая книжка которого должна была появиться в Петербурге в марте 1836 г. — для „Современника“ Пушкина».⁴⁴

Номер «Современника» с повестью (№ 3) вышел в октябре 1836 года (11, 14), когда Гоголь уже находился за границей. Еще раньше, 4 апреля, за два с небольшим месяца до отъезда, Гоголь читал «Нос» у Жуковского (см. выше, прим. 11). О том, что это уже не был текст «Первой полной редакции», свидетельствует добавление к тексту ее одного слова. Изначально Ковалев, обнаружив, что нос на месте, «бросился плясать в одной рубашке по всей комнате [танец], составленный из кадрили и мазурки вместе» (3, 399; курсив мой. — Ю. К.). В тексте, опубликованном в «Современнике», о том же сказано: «...соскочил с кровати в одной рубашке и начал плясать по всей комнате какой-то танец, составленный из мазурки, кадрили и тропака» (Современник, с. 88; курсив мой. — Ю. К.). Танец «тропак» появляется в письме М. А. Максимовичу от 22 марта 1835 года: «Пробовал ли ты когда-нибудь, вставши поутру с постели, дернуть в одной рубашке по всей комнате тропака?» (10, 357, № 245; курсив мой. — Ю. К.). Вполне вероятно, что это — цитата из текста, посланного четыремя днями ранее в «Московский наблюдатель», где, по предположению Н. С. Тихонравова, уже содержались «изменения и распространения в первоначальной редакции „Носа“, напечатанные в первый раз в „Современнике“».⁴⁵

На этом заканчивается хоть сколько-нибудь документированная история создания повести.

* * *

Проверка предположения о календарном несовпадении включает вопрос, когда именно Гоголь решил использовать разницу в датах для сохранения сновиденческой мотивировки. По мысли Б. А. Успенского, это произошло уже в Риме, скорее всего, в 1837 году, опять же из-за Благовещения: «Гоголь попадает в Рим 25 марта по новому стилю, когда папская столица отмечала день католического Благовещения, здесь же Гоголь празднует православное Благовещение».⁴⁶ С этим соотносятся

⁴³ Подробнее см.: Там же. С. 570–571.

⁴⁴ Там же. С. 571.

⁴⁵ Там же. С. 573. Это именно предположение, сопровождающееся рядом оговорок, сводящихся к тому, что оно «может быть подтверждено или опровергнуто только рукописью „Носа“, посланной Погодину для „Московского наблюдателя“ и потом возвращенной Гоголю» (Там же). Здесь же объясняется, почему текст Погодинского древлехранилища («Первая полная редакция») не может быть рукописью, предназначенной для «Московского наблюдателя».

⁴⁶ Успенский Б. А. Время в гоголевском «Носе». С. 53–54. Здесь не обсуждается еще одно допущение, согласно которому на эту мысль Гоголя могло натолкнуть знакомство с народными поверьями, связанными с восприятием времени «в районах межконфессионального пограничья» (Там же. С. 50).

и «интересующие нас изменения (отразившиеся в окончательной редакции «Носа») <...> Естественно предположить при этом, что они были связаны с празднованием католического Благовещения, когда Гоголь особенно остро должен был почувствовать разницу во времени между православным и католическим праздником».⁴⁷

Однако первая поездка Гоголя за границу произошла гораздо раньше — в 1829 году, и уже тогда он обратил внимание на несовпадение календарей. Два письма (№ 90 и 91), посланные Гоголем матери во время этой поездки, помечены: «Любек. 1829, августа 13 по новому стилю» и «Травемунд. 1829, августа 25 по европейскому стилю» (10, 151, 155; курсив мой. — Ю. К.).

С хронологией (и двумя календарными стилями) Гоголь, несомненно, имел дело, будучи домашним учителем с начала 1831 года.⁴⁸ Именно в этот период, в начале 1830-х годов «Гоголь занимался сочинением синхронистических таблиц для преподавания истории по новой методе».⁴⁹ Позже он не мог не обращаться к хронологии (опять же в двух вариантах), работая над историей средних веков (ср.: «Адъюнкт по кафедре истории Гоголь-Яновский сверх должности своей по университету принял на себя труд написать Историю средних веков, которая будет состоять из 8 или 9 томов. Также намерен он издать особенное извлечение из оной истории в одном томе»⁵⁰). О том же Гоголь сообщал М. А. Максимовичу: «Я пишу историю средних веков, которая, думаю, будет состоять томов из 8, если не из 9» (10, 348–349, № 235). Письмо датировано 22 января 1835 года, т. е. тем же примерно временем, когда Гоголь «начал <...> новую повесть» (31 января 1835 года) и когда отправил ее в Москву (10 марта 1835 года). Ничто не мешает предположить, что и мысль использовать разницу в календарях в качестве приема (если таковое имело место) впервые возникла у Гоголя именно в этот период. Неточность в соотношении дат старого и нового стиля может объясняться как недоработанностью (поспешностью разработки) мотива, соответственно, выбора даты начала события («заснул — увидел сон — проснулся»), так и недостатком опыта сопоставления календарей.⁵¹ (После короткого — с 1/13 августа по 22 сентября 1829 года, частично по морю⁵² — путешествия Гоголя в Европу прошло более пяти с половиной лет).

О том, что даты «25 апреля» и «5 или 6 мая» появились не случайно⁵³ и именно в 1835 году, возможно, свидетельствует одно дополнение к тексту «Первой полной редакции» — указание на *день недели*, когда начались события, описанные в повести: «Иван Яковлевич брил его (Ковалева. — Ю. К.) еще в среду, а в продолжение всей среды и даже во весь четверг нос у него был цел» (*Современник*, с. 78). То есть, по версии «Современника», Ковалев заснул в четверг, который приходится на 25 апреля именно в 1835 году. Если исходить из того, что даты в повести соотносятся с реальным календарем (как это было — предположительно — в случае датировки события в «Первоначальном наброске»), то идея «спасения» сновиденческой мотивировки возникла

⁴⁷ Там же. С. 53.

⁴⁸ Манн Ю. В. «Сквозь видный миру смех...». С. 242.

⁴⁹ Лонгинов М. Н. Воспоминание о Гоголе // Гоголь в воспоминаниях современников. М., 1952. С. 72.

⁵⁰ Цит. по: Машинский С. Художественный мир Гоголя. М., 1979. С. 121 (со ссылкой на: ЦГИАЛ. Ф. 733. Оп. 95. № 45488. Л. 40 об. — 41).

⁵¹ Ср. в связи с этим: «Русские люди, оказавшиеся в XIX в. за границей и вынужденные пользоваться двумя стилями одновременно или попеременно, нередко делали ошибки, обозначая даты в своих дневниках и письмах» (Пернер М. И. Хронологический справочник (XIX и XX века). Л., 1984. С. 20).

⁵² «Шесть дней плыл я водою» (13 августа нов. ст. 1929 года, Любек) (10, 151, № 90); «...после двухдневного плавания, не видя ничего, кроме моря и неба, прибыли мы к берегам Швеции <...> Из острова Борнгольма мы прямо пристали чрез четыре дня и вышли на берег Дании» (24 ноября 1829 года, Петербург) (10, 161, № 94).

⁵³ Иначе у Б. А. Успенского: «...даты утраты и обретения носа довольно близко соответствуют разнице между юлианским и григорианским календарем (25 апреля по старому стилю соответствовало в XIX веке 7 мая по новому), но это, кажется, не более чем случайность» (Успенский Б. А. Время в гоголевском «Носе». С. 55).

через пять недель после отправки повести в Москву (18 марта 1835 года) и реализовалась уже в версии «Современника».

* * *

Последняя замена дат (на 25 марта и 7 мая) сделана уже в «Сочинениях» 1842 года. В Полном собрании сочинений сказано, что «эту новую переработку „Носа“ скорее всего следует отнести ко времени непосредственного осуществления издания Сочинений, к 1841–1842 гг.» (3, 653). Обоснования комментаторы не приводят, однако в пользу предположения о позднем возвращении к работе над повестью служит то, что за границей Гоголь практически сразу же полностью погрузился в работу над «Мертвыми душами»: «Вещь, над которой сижу и тружусь теперь и которую долго обдумывал, и которую долго еще буду обдумывать, не похожа ни на повесть, ни на роман, длинная, длинная, в несколько томов, название ей *Мертвые души* <...> Если Бог поможет выполнить мне мою поэму так, как должно, то это будет первое мое порядочное творение. Вся Русь отзовется в нем» (11, 77, № 33; письмо М. П. Погодину от 28 ноября 1836 года). Это написано в ответ на сообщение о намерении издавать журнал и, видимо, на просьбу прислать материалы для него, в связи с чем говорится: «Повести, конечно, могли бы доставить небольшое развлечение желающим, но где их набрать? У меня нет ни одной, и не подымется больше рука моя писать их. Пиши их тот, кому нечего больше писать. Когда я писал мои незрелые и неокончательные опыты, которые я потому только назвал повестями, что нужно же было чем-то назвать их, — я писал их для того только, чтобы пробовать мои силы и знать, так ли очинено перо мое, как мне нужно, чтобы приняться за дело. Видевши негодность его, я опять чинил его и опять пробовал. Это были бледные отрывки тех явлений, которыми полна была голова моя и из которых долженствовала некогда создаться полная картина» (11, 76–77).

Судя по последующим письмам, описанное здесь состояние и дальше не покидает Гоголя. Сохраняется, видимо, и его отношение к «бледным отрывкам». ⁵⁴ Все это позволяет предположить, что к повести Гоголь вернулся лишь много позже, возможно, в связи опять же с журналом («Москвитянин»), который М. П. Погодин начал издавать с января 1841 года. Желая привлечь к сотрудничеству Гоголя, Погодин обратился за содействием к С. Т. Аксакову: «Толковали о журнале, о Гоголе, его характере и выходках. Решил написать письмо: *разоряюсь, выручай*. Как бы было б хорошо, если бы теперь поддерживать впечатление эффектными статьями» (2 февр. 1841 г.). С своей стороны и С. Т. Аксаков решился просить Гоголя, чтоб он прислал что-нибудь в *Москвитянин*. ⁵⁵ На это Гоголь отвечал: «Вы пишете, чтобы я что-то прислал в журнал Погодину. Боже, если бы вы знали, как тягостно, как разрушительно для меня это требование, — какую вдруг нагнало оно на меня тоску и мучительное состояние! Теперь на один миг оторваться от святого своего труда — для меня уже беда. Никогда б не предложил мне подобной просьбы тот, кто бы мог узнать на самом деле, чего он лишает меня. Если б я имел деньги, клянусь, я бы отдал все деньги, сколько б у меня их ни было, вместо отдачи своей статьи! Но, так и быть, я отыщу какой-нибудь старый лоскуток и просижу над переправкой и окончательной отделкой его, Боже! может быть, две–три недели <...> и что поможет журналу моя статья? Но статья будет готова и недели через три выслана» (11, 332, № 192). В комментарии к письму сказано: «По свидетельству С. Т. Аксакова, Гоголь действительно принялсЯ тогда за перedelку повести „Анунциата“» (11, 446). В своих воспоминаниях Аксаков пишет: «...он (Гоголь. — Ю. К.), точно, оставил было „Мертвые души“ и принялсЯ за перedelку

⁵⁴ Ср.: «Мне страшно вспоминать обо всех моих мараньях. <...> И если бы появилась такая моль, которая бы съела внезапно все экземпляры „Ревизора“, а с ними „Арабески“, „Вечера“ и всю прочую чепуху <...> я бы благодарил судьбу» (11, 84, № 36; письмо Н. Я. Прокоповичу от 25 января 1837 года).

⁵⁵ Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина: В 22 кн. СПб., 1892. Кн. 6. С. 229.

„Анунциаты“». ⁵⁶ Но была ли последняя единственным «старым лоскутком» и не оказался ли среди них «Нос» в версии «Современника», который, по мнению Гоголя, также мог заслуживать переделки? Учитывая, как Гоголь обращался к тексту («от случая к случаю») на протяжении всего периода работы над повестью, нельзя исключить, что это — дата последней переделки повести или близкая к ней.

Первые издатели датируют это письмо 13 марта 1841 года по старому стилю (11, 455), т. е. 25 марта по новому. Если предположение об использовании календарных различий верно, то, соблюдая разницу между двумя календарными стилями, следовало бы обозначить начало событий (герои заснули) 13 марта, а окончание их (возвращение носа) — 25 марта, по старому и новому стилю соответственно.

Судя по письмам заграничного периода, отношение Гоголя к двум календарным стилям менялось на протяжении времени. Самое первое письмо (В. А. Жуковскому) уже датировано по новому стилю (28 июня 1836 года). В дальнейшем письма часто имеют двойные даты, новый/старый стиль: В. А. Жуковскому (18/6 апреля 1837 года) и все письма к М. И. Гоголю, между 29/17 июня 1836 — 28/16 марта 1837 года и 13/1 октября 1838 — 31/19 января 1841 года, а также М. П. Погодину (22/10 сентября 1836 года) и П. А. Плетневу (28/16 марта 1837 года), Н. Я. Прокоповичу (21/9 июля 1837 года). Два письма датированы по старому стилю — Н. Я. Прокоповичу (15 апреля 1838 года; возможно, та же дата, что на письме из России: «Я только что получил письмо твое...») и С. Т. Аксакову (5 марта 1841 года). Остальные, включая большинство писем к матери, датируются только по новому стилю, на который, судя по всему, и ориентировался Гоголь, живя за границей.

Об ошибках русских за границей при сопоставлении двух календарей говорилось выше (см. прим. 51). Есть примеры ошибок в пересчете дат, вследствие *прибавления* двенадцати дней к дате по новому стилю. ⁵⁷ В данном случае речь, скорее всего, идет не об ошибке, а о желании избежать ее при календарных подсчетах (в спешке, не имея под рукой российского календаря). В этой ситуации Гоголь, видимо, пошел по более простому пути, т. е. прибавил двенадцать дней, обозначив окончание события 7 апреля.

Именно в 1841 году 25 марта (н. ст.) приходится на четверг, а 7 апреля (н. ст.) — на среду, один из двух дней, когда к Ковалеву приходил цирюльник. Это — еще один довод в пользу замены дат непосредственно перед публикацией «Сочинений» ⁵⁸ и, возможно, свидетельство изначальности сновиденческой версии: в 1832 году 23 февраля (ст. ст.) приходится на вторник, соответственно, проснувшись на следующее утро, цирюльник (по «Первой полной редакции» еще Иван Федорович) должен был отправиться брить майора Ковалева. Можно заключить, что сюжет, задуманный Гоголем после 19 февраля 1832 года и разрабатывавшийся им — от случая к случаю — на протяжении многих лет, претерпел ряд изменений, затронувших текст повести, но не первоначальный авторский замысел.

* * *

Сведения различной степени вероятности, касающиеся хронологии создания повести «Нос», можно суммировать следующим образом:

19 февраля 1832 года — Гоголь присутствует на обеде у Смирдина и подписывает обязательство участвовать в сборнике в его честь.

⁵⁶ Аксаков С. Т. История моего знакомства с Гоголем // Русский архив. 1880. Кн. 2. Особое прил. С. 51.

⁵⁷ «А. И. Герцен, праздновавший день рождения своей старшей дочери 25 декабря (Наталья Александровна родилась <...> 13 декабря 1844 г.), <...> в 1866 г. ошибочно пересчитал эту дату, прибавив к числу нового стиля еще 12 дней, и написал „Татино рождение не 25 декабря, а 6 января“» (Пернер М. И. Хронологический справочник (XIX и XX века). С. 20).

⁵⁸ Н. Я. Прокопович приступил к изданию четырехтомного собрания 8–13 июня 1841 года (12, 13). Цензурное разрешение третьего тома подписано А. В. Никитенко 15 сентября того же года.

22 февраля 1832 года — сообщение об этом событии в «Русском инвалиде». Начинается обдумывание сюжета (незадолго до того записан и отдан Семенову рассказ «Прачка»).

23 февраля 1832 года (вторник) — создание «Первоначального наброска» (возможно, на отдельном листке) с первыми наметками сюжета будущей повести: персонажи — цирюльник (Иван Иванович или Иван Федорович), его жена (еще без имени); возникает имя и звание второго действующего лица (коллежский ассессор (еще не майор) Ковалев); завязка сюжета («нос в хлебе») и, возможно, уже развязка в виде «сновиденческой мотивировки», а также первое соотнесение события с календарем (парикмахер приходит к Ковалеву в среду).

Апрель 1832 года — появляется тема Кавказа (и, возможно, и майора/коллежского ассессора) в связи с А. С. Данилевским.

Конец 1832 — начало 1833 года — «Первоначальный набросок» переносится (предположительно) в записную книжку; намечается продолжение.

До 27 августа 1834 года (рецензия «Северной пчелы» на повести Пушкина) — завершение «Первой полной редакции».

Ок. 31 января — 18 марта 1835 года — создание версии повести для «Московского наблюдателя».

18 марта 1835 года — повесть отправлена Погодину.

22 марта 1835 года — письмо М. А. Максимовичу («Пробовал ли ты когда-нибудь, вставши поутру с постели, дернуть в одной рубашке по всей комнате *тропака?*»).

23 марта 1835 года — первое письмо о возвращении «Носа» автору, по-видимому, в связи с предположением о прекращении издания «Московского наблюдателя».

Ок. 25 апреля 1835 года (четверг) — возникновение идеи «зашифрованной» сновиденческой мотивировки с помощью календарных несовпадений.

2 сентября 1835 года — письмо М. И. Гоголь о снах.

18 января 1836 года — письмо о возвращении «Носа» автору, по-видимому, для напечатания в «Современнике».

4 апреля 1836 года — Гоголь читает повесть у Жуковского (версия с Казанским собором и, возможно, уже с датами и днями недели).

Апрель — 6 июня 1836 года — создание версии с Гостиным двором, с датами и днями недели и передача повести в «Современник».

Январь–март 1841 года — просьбы к Гоголю дать что-то в издаваемый М. П. Погодиным журнал «Москвитянин».

25 марта н. ст. 1841 года (четверг) — письмо Гоголя Аксакову с обещанием отыскать «какой-нибудь старый лоскуток» и просидеть «над переправкой и окончательной отделкой его».

Июнь–сентябрь 1841 года — начинается издание «Сочинений» в 4 томах; проходит цензуру третий том, в котором помещена повесть.

* * *

Как во всякой реконструкции, совпадение фактов, на которое она, как хотелось бы думать, опирается, может оказаться случайным. В этой ситуации вероятность выдвинутой гипотезы — большая или меньшая — зависит от количества таких совпадений. В нашем случае реконструкция (соответствия дат и событий в повести и в действительности), судя по всему, не противоречит фактам биографии Гоголя и вписывается в текст, сохранивший сновиденческую мотивировку, от которой не смог или не захотел отказаться автор.